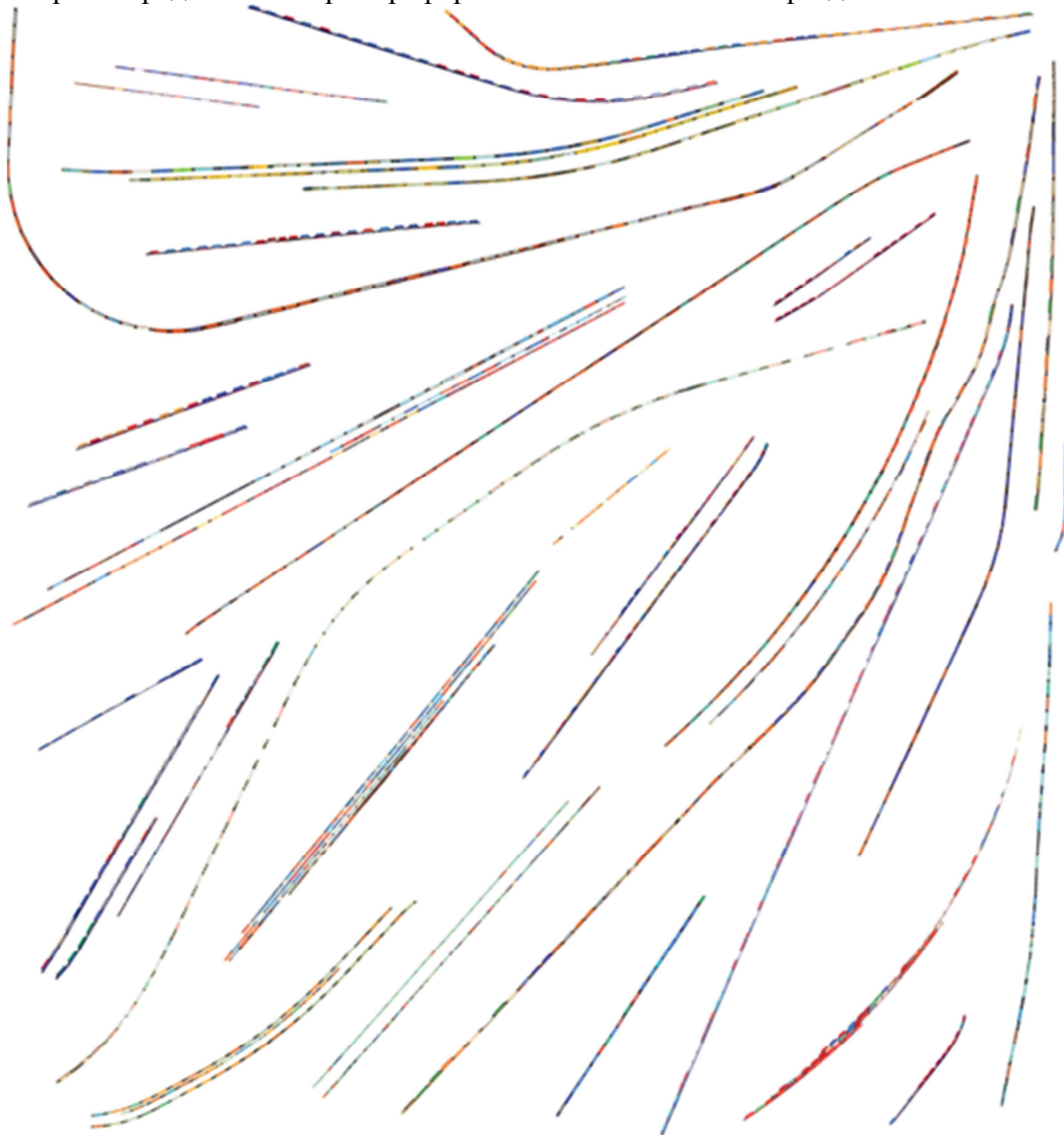

Заместитель директора МШЭ МГУ академик В.М. Полтерович: « Экономический рост — это расширение возможностей для самореализации личности»

В последнем номере (29 января 2014 года) журнала « The Prime Russian Magazine» под заголовком: « Экономический рост — это расширение возможностей для самореализации личности» опубликовано интервью с заместителем директора МШЭ МГУ по магистратуре, аспирантуре и послевузовскому образованию академиком [В.М. Полтеровичем.](#) :

Виктор Полтерович — академик РАН, заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ, действительный член Эконометрического общества, член *Academia Europaea*, президент Новой экономической ассоциации, член Комитета по политике развития ООН, лауреат премий им. Н. Д. Кондратьева и им. Л. В. Канторовича президиума РАН, автор многочисленных работ по экономической теории. В одной из недавних монографий

впервые представил теорию реформ как самостоятельный раздел экономической науки.

Проект американского фотографа Дженни Оделл называется «Все люди на Google Earth». Это взгляд со спутника на различные дела человеческих рук (от парковочных мест до свалок мусора), своего рода гербарий человеческой экспансии, наглядно демонстрирующий, как многообразна и несносна бывает земная активность и одновременно сколь мелким и трогательно-суетливым выглядит всякое производственное поползновение. Работы Дженни Оделл и других фотографов можно купить в онлайн-галерее Dust and Scratches www.dustscratches.ru

•

Проект американского фотографа Дженни Оделл называется «Все люди на Google Earth». Это взгляд со спутника на различные дела человеческих рук (от парковочных мест до свалок мусора), своего рода гербарий человеческой экспансии, наглядно демонстрирующий, как многообразна и несносна бывает земная активность и одновременно сколь мелким и трогательно-суетливым выглядит всякое производственное поползновение. Работы Дженни Оделл и других фотографов можно купить в онлайн-галерее Dust and Scratches www.dustscratches.ru

А. Ю.

Есть такой современный вид спорта шахбокс — комбинация бокса и шахмат, когда соперники выясняют отношения попеременно на ринге и за шахматной доской. Наша экономика вызывает ассоциации с подобным чередованием — шоковая терапия сменяется попытками планирования. Мы стараемся задействовать разные, порой взаимоисключающие группы мышц, ставя цель наладить внутреннюю ситуацию и одновременно совершить рывок к развитым странам. Откуда берет начало эта синтетическая форма управления экономикой и какие отношения связывают сегодняшнее государство и экономический сектор?

В. П.

К сожалению, радикальные изменения политики в значительной мере связаны с модой. В послевоенный период считалось, что государство — важнейший участник экономического процесса в догоняющих экономиках. Государственное планирование играло решающую роль не только в так называемом социалистическом лагере, но и в странах «экономического чуда», таких как Япония, Южная Корея, Тайвань, и в ряде стран Европы — Франции, Испании, Португалии. Правда, в этих странах, в отличие от СССР и Восточной Европы, планирование имело индикативный характер. Однако по мере того как упомянутые страны сближались с наиболее развитыми, планирование в полном соответствии с теорией отступало на второй план. К тому же во многих других странах, включая социалистические, оно применялось неумело и потерпело фиаско. К середине 1970-х годов мода начала меняться, а в восьмидесятых доминирующие позиции среди международных экспертов заняли сторонники «минимального государства». Они полагали, что государство должно играть роль «ночного сторожа», устанавливая «правила игры», но не вмешиваясь в функционирование рынка. Эта точка зрения нашла концентрированное выражение в первом «руководстве для реформаторов» — десяти тезисах американского экономиста Джона Уильямсона, получивших название Вашингтонского консенсуса. На них основывались рекомендации, которые сотрудники МВФ и ВБ давали сначала латиноамериканским, а потом и бывшим социалистическим странам. Квинтэссенцией этих рекомендаций были «либерализация, приватизация и дерегулирование» — только следуя им, можно было рассчитывать на получение финансовой помощи. Культурные, институциональные, технологические особенности

страны практически не принимались во внимание, все должны были следовать одним и тем же рецептам, чем быстрее и «комплекснее», тем лучше. Но к середине 1990-х годов стало ясно, что буквальное выполнение рекомендаций такого рода ведет к громадным потерям — тем большим, чем менее развита экономика. Политика «шоковой терапии», скоростной демонтаж институтов государственного управления экономикой (еще до того, как укрепились новые институты) привели у нас к колоссальному спаду производства, быстрой инфляции, кризису неплатежей, засилью бартера и мафиозных структур. Не хватало знаний — это верно, но лишь отчасти. Даже в некоторых учебниках экономики можно было найти такое на первый взгляд парадоксальное утверждение: «либерализация требует усиления роли государства». Это легко понять. Государство управляет своим бюджетом, который составляет примерно треть ВВП. А при массовой приватизации объем распределяемых государством средств существенно больше ВВП. «Плохое» государство не в состоянии эффективно распорядиться такими средствами. Не только мы, но и многие другие страны убедились в этом на собственном горьком опыте. Начался новый поворот в экономической мысли. Теперь уже мало кто из профессиональных экономистов сомневается в том, что стимулирование экономического роста — важнейшая задача государства. Изменилась и российская экономическая политика, хотя рецидивы моды 90-х годов все еще имеют место. От качества государства, качества рынка и многочисленных ограничений должен зависеть выбор тех или методов решения экономических задач. Зависимость эта весьма сложна, и идеологические установки типа «рынок — хорошо, а государство — плохо» здесь могут только навредить. Слушая подобную аргументацию, я всегда вспоминаю Оруэлла: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо».

А. Ю.

Какая экономика нужна современному государству?

В. П.

Очень многое зависит от того, как устроено государство, а это, в свою очередь, зависит от того, как устроено общество в целом. Нам известны примеры диктаторов, которые думали исключительно о личном обогащении или о сохранении власти любой ценой. Однако, каким бы ни был правитель, ему всегда важно, чтобы общество его любило, и экономика здесь играет далеко не последнюю роль. Следовательно, до некоторой степени государство всегда заинтересовано в экономическом росте и благополучии граждан. Все дело в этой самой «степени» и в квалификации управляющих.

Проблема упирается в соотношение массовой культуры, уровня социально-экономического развития, с одной стороны, и структуры власти — с другой.

А. Ю.

Экономика, таким образом, направлена на увеличение богатства общества — то есть, цитируя Адама Смита, на предоставление гражданам доступа к «предметам необходимости, удобства и удовольствия». Тем не менее замечалось, что рост богатства ведет и к росту бедности: богатство одного — это нищета другого. Можно ли сказать, что современная экономика, стремясь к богатству, по сути, приумножает бедность?

В. П.

Экономику никогда нельзя рассматривать в отрыве от социальных и политических реалий. Стремление к богатству вообще не типично для человека: есть, конечно, те, кто

ставит богатство во главу угла, но обычные люди, коих большинство, понимают, что в жизни есть еще и иные цели, далекие от материальной сферы. Богатство, конечно, измерить легче, чем многие другие категории. Но в последние двадцать лет придуманы различные индексы, которые измеряют человеческое благополучие без непосредственной привязки к богатству, — например, индекс человеческого развития или индекс счастья; цель соответствующих опросов — понять, в какой мере счастливы граждане той или иной страны. Подобные опросы проводятся регулярно по инициативе ООН. Согласно данным 2013 г., наиболее счастливы жители Дании, вслед за ними идут граждане Норвегии, Швейцарии, Нидерландов и Швеции. Наиболее важные факторы, влияющие на уровень счастья: ВВП на душу, продолжительность здоровой жизни, свобода выбора при принятии жизненно важных решений, свобода от коррупции, а также такие характеристики социальных отношений, как возможность рассчитывать в трудную минуту на родственников и друзей и готовность к пожертвованиям в пользу нуждающихся. Нет однозначной связи между уровнем счастья и уровнем материального благополучия. Вокруг этих вопросов ведется полемика, но в целом можно сказать, что если страна бедная, то есть сильно отстает от развитых стран по уровню материального благосостояния граждан, то этот параметр, как правило, доминирующий. От него зависят и другие индексы. По мере развития и приближения к уровню развитых стран благосостояние становится выше и люди начинают обращать внимание на другие факторы, которые можно охарактеризовать как возможности для самореализации. Это, кстати, сказывается и на структуре самого общества: все больше его представителей оказываются в составе так называемого креативного класса. Этот термин сравнительно недавно придумал и ввел в широкий обиход американский экономист и социолог Ричард Флорида. В 2011 г. коллектив авторов под его руководством издал масштабную работу, в которой исчислен «глобальный индекс креативности» для более чем 80 стран. Получились достаточно интересные, хоть и порой спорные результаты. Индекс исчисляется на основе трех компонентов, трех «Т»: технологии, таланта и толерантности. Каждый из трех соответствующих индикаторов формируется на основе частных показателей. Так, технологический индикатор отражает уровень инвестиций в исследования и разработки, количество исследователей, объем зарегистрированных патентов в год. Уже здесь возможны перекосы: например, в России численность исследователей достаточно велика, благодаря этому по технологическому индексу мы заняли 21-е место, опередив Испанию, Италию и ряд других стран, активных на международной научной арене; лидерами здесь стали Финляндия, Япония, США, Израиль, Швеция. По уровню талантов (исчисляемому в зависимости от доли креативного класса и величины индекса человеческого капитала) мы оказались на 13-м месте благодаря относительно высокой численности креативного класса; в его состав авторы исследования включали наряду с исследователями, деятелями культуры и образования также инженеров, менеджеров, бизнесменов и т. п. А вот по уровню толерантности мы оказались внизу списка — на 74-м месте из 82 возможных. В итоге по величине глобального индекса креативности Россия заняла почетное 30-е место, опередив прибалтийские страны, Словакию и Польшу.

А. Ю.

Креативный класс — очень странная конструкция, в самом названии которой можно расслышать некую отсылку к будущему: он сформировался не потому, что создал что-то, а потому, что ему только предстоит что-то создать. Можно ли говорить о том, что определение богатства сегодня будет звучать не как «сиюминутная выгода», а скорее как «предвкушение благополучия», «благополучие в перспективе»? То есть это не столько материальный, сколько психологический феномен?

В. П.

Одна из характерных черт современного общества — увеличение креативного класса и расширение возможностей для реализации креативности. Это ключ к пониманию того, какая экономика нужна современному государству. Если страна бедна, экономика материальных благ играет важнейшую роль, что вполне объяснимо: тот, кто испытывает голод, будет, скорее всего, думать о способе добыть еду. По мере развития, когда основные потребности оказываются более или менее удовлетворены, включаются другие факторы. Человек начинает задумываться о возможностях самореализации: он любопытен, его окружает интересный мир, он хочет заниматься творчеством и делать собственную жизнь красивой не только в смысле обстановки, но и в смысле социального взаимодействия с людьми. Люди из креативного класса, как отмечено у того же Флориды, как правило, не ставят во главу угла экономическое благосостояние. Это очень просто пояснить на примере. Скажем, многие выпускники экономического факультета Гарварда не уходят в бизнес, а остаются в науке, несмотря на существенное различие в зарплатах. Ведь ученый в большей степени располагает своим временем, может заниматься любимым делом, иметь определенный круг общения, преподавать и т. д.; это другой образ жизни. Ученый-изобретатель лишен гарантий, что придуманные им инновации приживутся и будут иметь успех. Большие риски можно компенсировать только одним способом — получая удовольствие от процесса. Я думаю, что развитие общества идет в этом направлении.

А. Ю.

Итак, мы можем сформулировать следующий промежуточный итог: в мире есть немало количество людей, которые отказываются от реальной возможности сверхдоходов в пользу заработков более скромных, но позволяющих самореализоваться и заниматься любимым делом. Насколько этот тезис применим к России?

В. П.

К сожалению, в России доходы ученого, преподавателя, актера и художника остаются настолько низкими, что многие молодые люди при выборе профессии вынуждены ориентироваться прежде всего на достижение материального благополучия. Нередко молодые талантливые исследователи, как и в 90-е годы, выбирают один из двух путей эмиграции из российской науки: в бизнес и на Запад. В этом смысле потери российского научного сообщества огромны. На Западе бытует понятие «русская математика» — это сообщество ученых-иммигрантов, получивших математическое образование в России, и их учеников, среди которых есть и коренные американцы, и европейцы. Чтобы исправить положение, необходимо повысить доходы людей творческих профессий и отказаться от проведения разрушительных реформ. Но, разумеется, есть талантливые молодые люди, которые остаются в российской науке несмотря на все трудности. Кстати, их терпение нередко вознаграждается: добившись успеха в науке, исследователь получает и новые возможности для заработка.

А. Ю.

«Богатство для терпеливых» подразумевает наличие серьезного кредита доверия общества по отношению к государству. Как ведет себя креативный класс в этой связи?

В. П.

Здесь важную роль играет одна культурная характеристика — так называемый индивидуальный горизонт планирования. Обычно у людей с низким уровнем

благополучия горизонт планирования низкий. По мере того как человек становится более состоятельным, он больше думает о будущем. Я впервые попал в США в 1989 году и помню, как был поражен, обнаружив, что мои американские коллеги планируют свои поездки по крайней мере на год вперед. Плановый горизонт российского исследователя, кажется, ограничивался одним месяцем. Отсюда возникает другой вопрос: в какой степени общество в целом может воспринимать будущее как реальную перспективу? Россияне в этом отношении обладают крайне негативным опытом. При советской власти будущее, по крайней мере на каких-то этапах, казалось понятным: дело не в том, что люди верили в грядущее, подсчитанное с точностью до года, наступление коммунизма, а в том, что зарплаты, пенсии, доходы были стабильны. Однако по мере того как наступление коммунизма откладывалось, уровень доверия снижался, и к моменту распада СССР оно исчерпалось, сменившись глубоким разочарованием. Не способствовали росту доверия и последующие реформы, декларировавшие рост благополучия в ближайшей перспективе, а в реальности породившие обратный эффект. Сейчас мы часто слышим слово «стабильность», но реформы, проводимые правительством, не способствуют, на мой взгляд, стабилизации ситуации и, следовательно, росту доверия граждан к государству. Горизонт планирования влияет на объем сбережений; так вот, у нас по разным оценкам более трети населения страны не откладывает деньги. Причин может быть две: бедность и отсутствие доверия. В странах, которые за двадцать-тридцать лет совершили рывок и из развивающихся стали развитыми (Японии, Корее и других), доля накоплений была очень высока, значит, люди верили, что государство обеспечит их сохранность.

А. Ю.

Что представляет собой класс так называемых «новых бедных»? Возможно ли в условиях его роста говорить о накоплениях как главной демонстрации доверия к государству?

В. П.

«Новые бедные» — это люди, чье относительное благополучие снизилось в результате социальных изменений; нередко это образованные и квалифицированные специалисты, не сумевшие подстроиться под новые требования и реалии экономики. Как это ни странно, увеличение числа «новых бедных» может быть результатом повышения общего уровня благополучия, поскольку при этом повышается и порог бедности. Все же в целом можно сказать, что современное экономическое развитие дает надежду на сокращение бедности.

А. Ю.

В последней трети прошлого века, вслед за выходом работы Эрнста Шумахера «Малое прекрасно», специалисты заговорили о торможении экономики, переводе ее в так называемое «буддийское» состояние. Каковы сегодняшние перспективы этих идей?

В. П.

Давайте исходить из конкретных фактов. Да, нам известна история Диогена в бочке. Есть немало людей, которые переосмысливают собственные потребности, стараются их ограничить — потому что, если ты научился хотеть немного, у тебя больше шансов достичь желаемого. В целом, однако, я не вижу каких-либо серьезных подтверждений того, что человечество идет по пути сокращения потребностей. Другое дело, что все большее количество людей отдают предпочтение интересной работе или творческим увлечениям. Мне кажется, что мир будет двигаться в этом направлении.

А. Ю.

Можно ли сказать, что идеи экономистов относительно торможения экономики — например, те, что изложены в книге Тима Джексона «Процветание без роста» (2009), — рассчитаны на развитые страны и не могут применяться к другим обществам?

В. П.

Важно понимать, что мы вкладываем в понятие «рост». Экономический рост — это увеличение не только потребления, но и доли расходов на науку, культуру, образование, спорт, это расширение возможностей для самореализации личности. При таком понимании говорить сегодня о пределах роста вряд ли имеет смысл. Театры, музеи, научные центры — тоже компоненты роста. По мере того как растет уровень благосостояния в стране, увеличиваются инвестиции в отрасли, не связанные с немедленным получением большой прибыли.

А. Ю.

Как бы вы определили в этой связи понятие «прогресс» для постиндустриального общества?

В. П.

Я считаю, что прогресс — это прежде всего расширение возможностей для самореализации личности. Но для того чтобы воспользоваться результатами прогресса, само общество должно быть достаточно развито; граждане должны иметь достаточно широкие интересы, позволяющие получить удовлетворение от новых возможностей. Если человек всю жизнь сражается только за то, чтобы обогнать других любителей роскоши, то в итоге его, скорее всего, ждет разочарование: в любом соревновании победители немногочисленны. Стоит отметить, что переход к устойчивой демократии в догоняющих странах, как правило, осуществляется после достижения ими достаточного уровня благосостояния, когда на первый план выступает потребность в свободе выбора. Например, Испания во второй половине прошлого века, будучи государством с тоталитарным режимом, совершила резкий индустриальный скачок. За ростом материального благосостояния последовала демократизация общества. Критики капитализма обращают внимание на то, что рыночная система все время создает новые материальные потребности, и в итоге возникает гонка; человек включается в нее, потребляя все больше благ и оставаясь неудовлетворенным. Подпиткой для этих фантомных потребностей становится мода, желание быть «не хуже соседа». Социуму, однако, свойственна тенденция к гармонизации. Развивается гражданское общество, растет число клубов по интересам, все больше людей находят удовольствие вне сферы материального потребления. Я надеюсь, что в конечном итоге возобладает тенденция к гармоничному развитию.

А. Ю.

Как в этих обстоятельствах меняются институты управления? Возможно ли заимствование управленческих структур у развитых стран на основании «преимущества отсталости»?

В. П.

Это зависит от так называемой абсорбционной способности — способности к заимствованию, которой располагает та или иная страна. Идея заимствования на основании «преимущества отсталости», о котором говорил американский экономист Александр Гершенкрон, соблазнительна по той причине, что развивающиеся страны могут перенимать конструкции, которые уже доказали свою эффективность. Важно, однако, понимать, что «шоковая» трансплантация нового института может привести к тому, что он не приживется на новой почве или будет эволюционировать по непредсказуемому пути. Так было в России в 1992 году, когда проведенная за одну ночь либерализация цен привела в итоге к высокой инфляции, кризису неплатежей, стремительному росту бартерной экономики и общему резкому экономическому спаду. В Китае подобная реформа, направленная на сокращение сферы централизованного планирования, была растянута на 15 лет. К сожалению, в России и сейчас продолжается политика непродуманного заимствования и отказа от тщательного проектирования институциональных преобразований; яркие иллюстрации — пенсионная реформа, реформы науки и образования. Надо сказать, однако, что и развитые страны не избегают ошибок подобного рода, в чем мы убеждаемся на примере реформы здравоохранения в США. Американское правительство не приложило достаточных усилий для формирования позитивного образа реформы в обществе; между тем если граждане в отношении каких-либо преобразований испытывают негативные институциональные ожидания, то есть расценивают их возможные итоги как нежелательные, можно с уверенностью предсказать, что такая реформа не будет иметь положительного результата. Разумеется, заимствование — не единственный механизм становления институтов. Время от времени возникают принципиально новые институты — как было, например, в Советском Союзе. К сожалению, этот грандиозный эксперимент оказался неудачным. А вот другой пример формирования совершенно новых институтов — Европейский союз — мне кажется одним из важнейших достижений XX века. Создание ЕС проложило путь к реализации идеи мондиализма, идеи добровольного экономического и политического объединения всех стран с сохранением их национальной и культурной специфики. Сейчас некоторые политики пытаются форсировать процесс расширения ЕС, забывая о том, что Европейский союз стал возможен благодаря продуманной градуалистской стратегии на протяжении шести с половиной десятилетий. Я уверен, что ЕС успешно преодолеет экономический и политический кризис и послужит гармонизации отношений между странами, а тем самым и расширению возможностей для самореализации граждан каждой из них.

[Источник: сайт журнала «The Prime Russian Magazine»](#)